

на закрепленное в письменной форме законодательство, не содержащее готовых решений на все случаи. В силе прецедента проявляется традиционное доверие английского общества к судьям и их здравому смыслу.

Конфликт между институциональными нормами, регламентирующими беспристрастность судей, и характерными для русского речевого поведения оценочностью и стремлением к вмешательству просматривается в большом количестве оценочных высказываний российских судей.

В судебном дискурсе судья выступает как производитель речевых произведений разных жанров. В них он актуализирует себя как представителя социального института правосудия, который выполняет профессиональные обязанности, как отдельную личность со своим мировоззрением и характером, и как предста-

вителя лингвокультурной общности с типичными чертами коммуникативного поведения.

Литература:

1. Дубровская Т.В. Решение арбитражного суда как жанр судебного дискурса // Языки для специальных целей: проблемы, методы, перспективы. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2015. – С. 29–54.
2. Дубровская Т.В. Судебный дискурс как культурный феномен: национально-культурные особенности речи судей (на материале русских, английских и австралийских судебных заседаний) // Вопросы языкознания. – 2014. – № 2. – С. 76–88.
3. Дубровская Т.В. Судебный дискурс: речевое поведение судьи (на материале русского и английского языков). – М.: Изд-во «Академия МНЭПУ», 2010. – 351 с.
4. Philips S. Ideology in the Language of Judges: How Judges Practice Law, Politics and Courtroom Control. – New York, Oxford: Oxford University Press, 1998. – 205 p.
5. Solan L.M. The Language of Judges. – Chicago, London: University of Chicago Press, 1993. – 218 p.
6. Tiersma P. The textualization of precedent // Notre Dame Law Review. – 2007. – Vol. 82. – No. 3. – P. 1187–1278.

Митрохина Т.Н.

ДИСКУРС ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПОЛИТИКИ

Дискурс проектирования политики: понятие, проблемное основание, специфика. Основу дискурса проектирования политики составляет термин «политический проект», который при оценке тех или иных политических событий используется широко и легально, обосновался весьма прочно. Используя данный термин, субъекты коммуникации – политики, журналисты, нередко обычные граждане говорят на одном языке и вполне понимают друг друга. Однако в зависимости от контекста политический проект разнообразно трактуется, наполняется неопределенным содержанием или вовсе не определяется. Нередко имеет место подмена понятий – многочисленные, существенно размытые в смысловом отношении интерпретации термина «политический проект» в содержательном отношении подменяются прогнозом, планом, моделью.

Оставляя обширную дискуссию относительно наполняемости термина различным содержанием за рамками данной статьи, определяем политический проект как предлагаемый к производству политический продукт, характеристики которого задаются представлением субъекта проектирования об идеале гео/политического будущего, целью, оформленной в рациональных терминах, ожиданием определенного эффекта от реализации проекта, объектами внешнего мира, на которых проект направлен, средствами и условиями, предполагаемым результатом, сроками, алгоритмом и каналами его реализации.

Одновременно руководствуемся определением дискурса как совокупности коммуникативных практик, интегрированных по единому проблемному основанию и свойственных определенным социальным группам. В данном

контексте проблемное основание, по которому коммуникативные практики интегрированы, составляют оценки реальных многочисленных и разнообразных событий политики как проектов. Как известно, «СМИ создают первый черновой набросок истории». В этой связи, выступая посредниками между обществом и субъектами проектирования политики, они являются важным источником информации о специфике дискурса проектирования политики. Информация, размещаемая в СМИ, является неотъемлемой составляющей политического дискурса, что позволяет изучать дискурс проектирования политики через медийные сообщения.

Информационное пространство насыщено разнообразными сюжетами по структуре, специфике, целям, масштабу и направленности политических проектов, что позволяет рассматривать проектирование политики как повседневную практику организации и структурирования политической деятельности. На этом основании политика вполне может интерпретироваться как сфера конкуренции проектов, борющихся за управление обществом.

Проектирование политики имеет специфику относительно других сфер, где востребован такой вид деятельности. Специфика заключена в целях, сформированных на основе индивидуального представления субъекта проектирования о будущем политическом устройстве, направленных на получение определенного объема власти, на укрепление властных позиций внутривнутриполитического уровня или во внешнеполитических отношениях.

Помимо борьбы за власть, на которую все политические проекты ориентированы, а в противном случае они не смогут быть причислены к разряду политических, для всех характерно направленное воздействие на определенную аудиторию с целью получения скорректированного, измененного поведения общества. В этой связи особого внимания заслуживает такая особенность дискурса проектирования политики, как легитимация права

субъекта на деятельность по политическому проектированию. Во-первых, не всякий субъект по интеллектуальным возможностям может быть способен к проектированию, особенно к политическому. Субъектом проектирования может быть активно действующее лицо с верованиями, проектами, общественными отношениями, с его способностью к социальному действию и производству. Во-вторых, не каждому желающему может быть предоставлено право разработки и реализации политических проектов с целью изменения политической действительности.

Политические лидеры, не способные к качественному выполнению функции проектирования и проигрывающие конкуренцию, обречены на поражение в борьбе за влияние на общество. Элитарные качества политической элиты и способности к проектированию наиболее жестко тестируются событиями внешнеполитического уровня. Проектные возможности политической элиты, а в целом и геополитическое лидерство производны от интеллектуального потенциала тех, кто находится у власти. Качество политического проекта и его реализации определяется интеллектуальными возможностями, профессионализмом, то есть качеством самого субъекта проектирования.

Особенности дискурса проектирования современной российской политики. Дискурс проектирования российской политики открыт и, как следствие, изменчив. Анализ российской политики сквозь призму дискурса проектирования дает основание утверждать, что со времени реализации советского проекта российская политика претерпевает существенные изменения: от периода системной монопроектности и реализации советского проекта через период 1990-х годов – период полной утраты государственных масштабных проектов, основанных на национальных интересах, к современному периоду осознания жизненной необходимости «большого проекта» для России, поиска идентификационных, ценностных, духовных, идеологических оснований стратегически важных проектов.

Субъекты политического проектирования, в качестве которых выступает элита высшего уровня, также претерпевают существенные изменения. Претензии на реализацию масштабных и амбициозных гео/политических проектов более выражены у старшей возрастной группы и существенно снижены у более молодых представителей политической элиты. Геополитические амбиции российской политической элиты по сравнению с серединой 1990-х гг. существенно снизились. В целом проектные возможности российской элиты оцениваются не слишком высоко в силу существующей длительное время системы подбора и расстановки кадров по ключевым позициям. Очевиден недостаток субъектов, способных предложить стратегические проекты с ясными ценностями, близкими и понятными большинству граждан. Еще больший недостаток ощущается в субъектах, способных в интересах государства реализовать такие проекты.

Круг субъектов проектирования политики ограничен преимущественно высшим уровнем властной политической элиты. Наиболее влиятельными субъектами выступают политические элиты федерального уровня. Элиты регионального уровня встроены в вертикаль исполнительной власти и самостоятельными субъектами проектирования не являются. Элита предлагает различные по направленности проекты социально-политического и экономического переустройства общества, реформирования и модернизации наиболее важных сфер общественной жизни, проекты выхода из затянувшегося экономического кризиса и интеграции. В тоже время деятельность оппозиционной элиты по разработке и реализации политических проектов существенно ограничена уровнем моноцентричности политической системы, степенью подавления альтернативного понимания действительности.

Реализуемые на протяжении длительного времени внутривластные проекты современной России оказались функциональны, прежде всего, как ключевые управленческие механизмы, а также технологии выявления

властных притязаний определенных социальных групп и их ценностных ориентаций. В качестве субъекта разработки и реализации проектных стратегий внешнеполитической направленности Россия надолго «выпала из обоймы», не оценив, а потому легко утратив с трудом завоеванные позиции государства, правопреемником которого стала. На фоне обострения конкуренции национальных и геополитических проектов, очевидно, Россия лишь приступила к оформлению собственного большого проекта.

В целом содержание дискурса проектирования современной российской политики свидетельствует об устойчиво воспроизводимом дисбалансе субъектности и объектности современной России в реализации самостоятельных проектных стратегий.

Дискурс глобального проектирования политики. В глобальном масштабе проектирование и реализация политических проектов являются весьма востребованными практиками стратегического управления политическими процессами. Современная политика нередко интерпретируется как *бесконечная борьба глобальных проектов за мировое господство и мировой порядок*. В глобальном ключе выстраиваются публикации по Гарвардскому, Хьюстонскому проектам, проекту «Глобальный Майдан», Большому проекту Китая, проекту Большой Европы, Исламскому, Американскому и Русскому проектам. Проблемы современного миропорядка связываются с тем, что одни субъекты более успешны в реализации собственных проектов развития, другие же вынуждены довольствоваться ролью пассивных объектов. Глобальные проекты рассматриваются практически как единственные субъекты, способные в современном мире быть «игроками за карточным столом истории», а «мировые силы, представленные в глобальных проектах, все более предпочитают прямому противостоянию лоб в лоб обходные технологии». Безопасность современного мира интерпретируется как производная конкуренции или доминирования

проектов глобального уровня. Стабильность и развитие современного мира анализируются сквозь призму состоятельности глобальных проектов.

Весьма частотные суждения о глобальных проектах исследователи, публицисты, а тем более политики, не сопровождают корректным определением глобального проекта, очевидно считая его содержание чем-то само собой разумеющимся, а в связи с этим, не заслуживающим внимания. Отчасти по этой причине содержание глобальных проектов интерпретируется произвольно, интуитивно, сводится к глобальному заговору, сговору, окружается таинственной завесой, относится к сфере конспирологии, нередко мистифицируется.

Термин «глобальный» означает полный, всеобъемлющий, всеохватный, масштабный. Сочетание терминов «глобальный» и «проект» в смысловой совокупности приводит к тому, что основу глобального проекта должна составлять не просто идея, а значимая, высокая, имеющая отношение к процессам масштабной трансформации – интеграции, модернизации, глобальному переустройству или формированию. Идею, заложенную в основание глобального проекта, порой, характеризуют как «надмирную, выходящую за пределы видимого и ощущаемого пространства», порой, как «продукт «плазменных» энергий человеческого духа, пробуждающегося в ответ на грозные вызовы истории».

Морфология глобального проекта задается теми же параметрами, что и любого другого. Среди параметров – представление субъекта об идеале гео/политического будущего является первостепенным. Субъект проектирования является носителем идеи, вокруг которого оформляется идеологический центр или ядро проекта, формируется круг сторонников. Утвердившись в «опорной» стране, которая является лидером в экономическом и/или военном отношении, глобальный проект может продолжить движение за ее пределы. Государство, становясь центром социальной

харизмы и неформально признанным лидером проекта, способно обеспечить присоединение к проекту все новых и новых участников. Идея, лежащая в основе проекта, задает направленность, структурирует поведение и логику своих последователей, позволяет им чувствовать единство и общность целей.

Ценностно-идеологическое содержание глобального проекта, обладая преобразующим потенциалом, в первую очередь за счет надгосударственной и привлекательной для граждан идеи, оказывает непосредственное влияние на характер и направленность политико-экономических изменений. Далеко не каждая идея может состояться в таком качестве. Наиболее объективным рефери в соревновании идей и ценностей за их значимость является, по сути, только практический опыт как критерий истины.

Не менее важным при определении специфики дискурса проектирования политики является то, что содержание проекта любого масштаба должно быть созвучно ценностям основаниям общества. Лишь в этом случае он будет успешным, лишь в этом случае станет механизмом интеграции, мобилизации, формирования или реформирования государственного или надгосударственного уровня.

Литература:

1. Ежов Д.А. Политическое проектирование как способ разработки государственной политики // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 5. С. 288–299.
2. Клягин С.В. Политическое проектирование как диалог с будущим // Политическое проектирование в пространстве социальных коммуникаций. Материалы X Международной конференции. В 2-х частях. Ч.1. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 30–48.
3. Кризисный дискурс официальной власти и системной оппозиции в современной России: сравнительный анализ / под ред. Т.Н. Митрохиной. М.: Политическая энциклопедия, 2014. – 183 с.
4. Листратов К.Е. Управление политическими проектами: теория, методология, реальная политика // Вестн. Моск. ун-та. Сер.12. Политические науки. 2007. № 6. С. 113–116.
5. Митрохина Т.Н. Политический проект как категория политической науки // Вестник СГСЭУ, 2015. № 2. С. 117–123.
6. Митрохина Т.Н. Проектирование политики: объ-

яснительные возможности концепта «политический проект» // Власть. 2015. № 9. С. 39–46.

7. Митрохина Т.Н. Функциональность политических проектов: технологии vs идеологии? // Власть. 2014. № 10. С. 5–13.

8. Панарин А.С. В поисках Большой идеи // Россий-

ская политическая наука: в 5 т. / под общ.ред. А.И. Соловьева. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2008. Т. 5: 1995–2006. С. 607–614.

9. Тимофеев И.Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. 2008. М.: Издательство «МГИМО-Университет». – 176 с.

КРИЗИСНЫЙ ДИСКУРС

Кризисный дискурс: понятие и структура. Содержательная специфика концепта¹ «кризисный дискурс» оформляется в пространстве смыслового пересечения двух его составляющих – дискурса и кризиса, которые трактуются весьма многозначно. Оставляя за рамками данной статьи дискуссию относительно вариантов наполнения дискурса различным контентом, считаем наиболее приемлемым с точки зрения практического применения его определение как совокупности типичных для определенной социальной группы коммуникативных практик, имеющих вербальное и невербальное выражение. Наиболее информативной является вербальная составляющая. С целью дальнейшей операционализации уточняем понятие «дискурс» и определяем его как пространство речевых практик, интегрированных по единому проблемному основанию и свойственных различным социальным группам. В заданном контексте тексты выступлений как единицы речевых практик становятся источником информации о специфике реально протекающих социальных процессов.

Анализ речевых практик знаковых представителей социальных групп позволяет судить об устойчиво воспроизводимых особенностях окружающего мира. Сопряженность языка и социальной реальности позволяет анализировать окружающий мир посредством анализа дискурсов – оппозиционного, властного, кризисного, конфликтного, парламентского, пре-

зидентского или любого другого. В качестве социальных групп в зависимости от научного интереса могут быть определены правящая или оппозиционная элиты, журналистское сообщество регионального, федерального или международного уровней. В целом – это могут быть любые социальные группы, в той или иной мере причастные к оформлению повестки дня страны в определенном сегменте, анализ дискурсивных практик которых может быть продуктивным. Социально-политическое пространство покрывается различными дискурсами, конкурирующими за то, чтобы наполнить его своим собственным содержанием.

Понимание другой составляющей концепта «кризисный дискурс» – «кризис» также неоднозначно. Определение кризиса как поворотного пункта в развитии чего-либо весьма распространено, однако создает небольшие предпосылки для уяснения сути феномена кризисного дискурса. Чуть более операциональным является определение кризиса как резкого надлома в определенном процессе, который имеет двойственную природу – может привести к ухудшению, а может и к улучшению ситуации. Однако еще более операциональным является, во-первых, понимание кризиса как состояния рассогласованности, снижения эффективности и распада привычных систем и, во-вторых, как состояния системы, при котором правящая элита оказывается неспособной старыми методами справляться с нарастающими угрозами и проблемами.

Результатом смыслового пересечения понятийных полей дискурса и кризиса является кризисный дискурс, определяемый как

¹ Концепт – это кластер идей и интерпретаций, формирующихся вокруг понятия, смысл понятия.